

ЗАКОН ВАККЕРНАГЕЛЯ В ПОЗДНЕМ КОЙНЕ

(На материале «Луга Духовного» Иоанна Мосха)

Except in its cruder forms, Greek word-order cannot be analyzed.

J. Denniston (1952: 8)

В 1892 г. появился первый номер нового журнала «Indogermanische Forschungen», где уже известный к тому времени швейцарский индоевропеист Якоб Ваккернагель опубликовал свои наблюдения, посвященные праиндоевропейскому порядку слов, проиллюстрировав их примерами из ряда индоевропейских языков, и сформулировал следующую закономерность: *безударные/слабоударные слова (энклитики) примыкают к сильноударным словам и занимают вторую позицию в предложении*. Эти наблюдения известны сейчас, как закон Ваккернагеля, однако многие современные лингвисты либо предпочитают не называть указанную закономерность законом,¹ либо особо подчеркивают близость описанного Я. Ваккернагелем явления к тенденции, имеющей ряд исключений (Janse 2000: 232ff), формулировка которой требует определенных уточнений (Krisch 1990; Ruigh 1996). Бельгийский исследователь М. Йансе в предисловии к библиографии работ, посвященных закону Ваккернагеля,² даже пишет следующее: «Кажется, что Ваккернагель сам несколько сомневался в действительной закономерности своих наблюдений, что подтверждается использованием таких слов и выражений, как ‘(позиционное) правило’, ‘склонность’, ‘позиционный обычай’, ‘тенденция’, ‘предпочтение’, ‘регулярная позиция’, ‘древнее правило’ и ‘традиционная позиция’, наравне с термином ‘(позиционный) закон’; однако использование термина ‘закон’, скорее всего, было признаком хорошего тона в лингвистических работах девятнадцатого столетия, посвященных истории языка».³

¹ Например, у С. Андерсона встречаются такие выражения, как как «основное наблюдение Ваккернагеля» (“Wackernagel’s central observation”), «принцип упорядочения Ваккернагеля» (“Wackernagel’s ordering principle”) или «позиция Ваккернагеля» (“Wackernagel’s position”) (см.: Anderson 1993: 69, 70, 72). Иногда, описывая закон Ваккернагеля, С. Андерсон вообще никак его не называет (ср.: Anderson 1996; unpublished).

² Библиография была подготовлена к столетию со дня появления знаменитой статьи Я. Ваккернагеля в журнале *Indogermanische Forschungen*.

³ “Wackernagel himself seemed to be somewhat doubtful about the true *Gesetzmäßigkeit* of his observations, witness his use of the terms “(Stellungs)regel” (Wackernagel: 1892: 335, 337, 351, 352, 366, 367, 371, 378, 380, 396, 402), “Drang” (Wackernagel: 1892: 336), “Stellungsgewohnheit” (Wackernagel: 1892: 337), “Tendenz” (Wackernagel: 1892: 341), “Vorliebe” (Wackernagel: 1892: 342), “regelmässige Stellung” (Wackernagel: 1892: 351), “alte Regel” (Wackernagel: 1892: 352) and “traditionelle Stellung” (Wackernagel: 1892: 393) next to “(Stellungs)gesetz” (Wackernagel:

Еще один вопрос связан с тем, кого считать «первооткрывателем» данной закономерности: как известно, Я. Ваккернагель не был первым исследователем, отметившим «стремление» энклитик занять вторую позицию в предложении и даже сам (Wackernagel 1892: 402) отметил, что на материале древнеиндийской литературы подобное явление выявил Б. Дельбрюк.⁴ Это дало повод Н. Коллинджу (Collinge 1985: 218) выдвинуть предложение о переименовании закона Ваккернагеля в закон *Дельбрюка и Ваккернагеля*. Однако, помимо Б. Дельбрюка, Я. Ваккернагель упоминает и других ученых, в частности, латиниста К. Райзига (Ch. Reisig), ираниста К. Бартоломэ (Ch. Bartholomae) и А. Бергэня, который обнаружил аналогичное явление в санскрите и древнегреческом (и отдельные следы в немецком придаточном предложении).⁵ Однако именно Якобу Ваккернагелю удалось не только сопоставить данное явление на материале разных индоевропейских языков, но и дать ему единую интерпретацию.

Последнее время заметно растет количество исследований, прямо или косвенно связанных с законом Ваккернагеля. Например, Г. Хок, описывая исторические изменения в области синтаксиса, подробно останавливается на переходе SOV в SVO, связанном с клитизацией вспомогательного глагола, который, становясь клитикой, попадает на вторую позицию, а потом, по закону Бехагеля, к вспомогательному глаголу «подтягивается» и смысловой.⁶ В некоторых работах закон Ваккернагеля подвергается очень суровой критике. В частности, Т. М. Николаева (1996: 18) отмечает асинтаксический и асемантический характер этого закона и даже называет его классическим примером «того научного мышления, при котором существуют лишь слова, ударные и безударные, но никак не интонация, как система». На первый взгляд подобные обвинения могут показаться справедливыми; в частности, в пользу этого может свидетельствовать появление при порядке слов VS начального комплекса частиц в хеттском и микенском греческом (Иванов 1979: 43 и сл., 49–51). Помимо хеттского и микенского греческого, следует упомянуть и ряд других индоевропейских языков, где предложение нередко начинается с частицы **se/so*: в санскрите данная основа появляется в удвоенных

1892: 340, 351, 361, 363, 364, 366, 367, 402, 427), but the term “Gesetz” must have been *bon ton* in the historically oriented linguistics of the nineteenth century” (Janse 1994a: 391); здесь и далее перевод мой — МК.

⁴ См. также: (Delbrück 1878: 47; Wackernagel 1926: 46).

⁵ Подробнее см.: (Bergaigne 1878). Говоря об «истории» закона Ваккернагеля, следует упомянуть и имя А. Вейля, заметившего, что слабые слова примыкают к ударным, чем, в свою очередь, делают последние более заметными (96). Согласно его наблюдениям, ударные слова чаще всего занимают место в самом начале или конце предложения, т. е., непосредственно перед или после «передышки голоса» — паузы (Weil 1879: 90–91). Показательно, что первое издание работы А. Вейля появилось еще в 1844 г. (sic!) (подробнее об «истории» закона Ваккернагеля см.: Janse 1987).

⁶ См.: (Hock 1986: 330–36). Г. Хок. приводит примеры из истории многих языков Европы.

местоименных формах (т. н. *āmredīta*);⁷ в латинском она превратилась в союз *si* ‘если’ (< *sei*), который вводит как придаточные, так и простые предложения; наконец, подобное явление встречается и в древнерусском.⁸

В гомеровском греческом встречается известная формула *ὥς φητο* ‘так сказал’ (*passim*), выступающая в функции показателя перехода от речи персонажа к авторским словам. В этом случае клитика *ὥς* оказывается на первой позиции в предложении, нарушая закон Ваккернагеля.⁹ Правда, уже в древнегреческом языке ряд частиц, в частности союзы (например, *εἰ* ‘если’), были не энклитиками, а проклитиками, и они, следовательно, могли занимать первую позицию в предложении. Союз *ὥς* этимологически, по-видимому, восходит к указательному местоимению **so-* в инструментальном падеже — **sō* (Казанский 1999: 513 и сл.; 2000: 35). Более того, устойчивые выражения, аналогичные гомеровской формуле *ὥς φητο* встречаются еще в микенских надписях, причем и там частица *o-/jo-*¹⁰ (или комплекс *o-da-a₂*) при порядке слов VS оказывается в начале предложения (Казанский 2000: 36–38). Рассмотрение синтаксической структуры гомеровской формулы *ὥς φητο* позволяет утверждать, что и в ней имеется порядок слов VS.¹¹ Таким образом, гомеровская формула представляет собой не единичный случай нарушения закона Ваккернагеля, а остаточное явление¹² определенной синтаксической тенденции, регулярно представленной в ряде индоевропейских языков, пережиток которой встречается и в древнегреческом в виде сентенциальных проклитик (союзов). Эту тенденцию можно описать в виде следующего синтаксического правила: *если субъект предшествует глагольной форме (SOV или SVO), то клитика/частица, связанная с этой глагольной формой, стремится занять вторую позицию в предложении; если же субъект следует за глагольной формой (VOS или VSO), клити-*

⁷ См.: (Dunkel 1981). Г. Дункель приводит также аналогичные примеры из хеттского.

⁸ См. библиографию в статье Н. Н. Казанского (1999: 517–19).

⁹ Написание *ὥς* с ударением является традиционным и ни в коем случае не свидетельствует о том, что это полнударное слово.

¹⁰ Сопоставление микенских выражений, в которых присутствует частица *o-/jo-* как с гомеровской формулой, так и с аналогичными выражениями в других индоевропейских языках позволило Н. Н. Казанскому выдвинуть гипотезу о том, что еще в микенском греческом произошло смешение *o-/jo-* и **se/so* на функциональном уровне, причем на фонетическом уровне они еще различались. (Казанский 1999: 511 и далее; 2000).

¹¹ В подтверждение тому, что именно такой порядок слов наблюдается в гомеровской формуле *ὥς φητο*, Н. Н. Казанский (2000: 35) приводит, частности, такой пример: *ὥς ἔφατ’ Ἀτρεΐδης* ‘так сказал Атрид’ (II. III. 46).

¹² См.: (Казанский 2000: 38).

ка/частица ставится перед глагольной формой. Иначе его можно описать с помощью двух выражений:

(1) $Cl + SV \rightarrow W Cl V$ (где Cl — клитическая частица, а W — полноударное слово)

(2) $Cl + VS \rightarrow Cl V S$

Это правило не является исключением из закона Ваккернагеля: оно запрещает глаголам, лишенным в праиндоевропейском собственное ударения,¹³ появляться на первом месте в предложении. Показательно, что в гомеровской формуле *ὄς φατο* на втором месте оказывается именно глагол *φημι*, один из двух греческих глаголов, имеющих безударные (клитические) формы. По-видимому, на каком то этапе развития индоевропейской просодии и синтаксиса стали четко разделяться два вида клитик: предикатные (глаголы) и сентенциальные (частицы и местоимения). Первые могли быть только энклитиками и никогда не оказывались на первой позиции; статус вторых был неопределенным: если на первой позиции в предложении было полноударное слово, они оставались энклитиками и образовывали с глаголом цепочку энклитик,¹⁴ если же такого слова не было, они становились проклитиками, получали ударение и не пускали глагол на первое место.

Критикуя закон Ваккернагеля, Т. М. Николаева противопоставляет ему статью британского филолога-классика Г. Данна (Dunn 1989), проследившего по древнегреческим и эллинистическим текстам,¹⁵ какую позицию в предложении занимает местоименная энклитика. Приведенные в его работе статистические данные свидетельствуют о том, что, во-первых, в эпоху эллинизма местоименные энклитики намного чаще встречаются не на второй позиции и, во-вторых, прослеживается очевидная тенденция к «сдвигу» местоименной энклитики за управляющий глагол. В результате, Г. Данн (Dunn 1989: 16) приходит к мнению, что к I в. н. э. в греческом происходит смещение фразового ударения с начала предложения на глагол, что подтверждается и новогреческим состоянием, где позиция местоименной клитики обусловлена формой глагола и всегда контактна. На основании своих интересных наблюдений, Г. Данн делает вывод, что закон Ваккернагеля в период койне перестает быть принципом исчисления порядка слов. Этот вывод, как кажется, вовсе не следует из наблюдений Г. Данна (впрочем, они также и не подтверждают критическое замечание Т. М. Николаевой). Во-первых, как уже отмечалось выше, Г. Данн рассматривал исключительно местоименные энк-

¹³ См., напр.: (Allen 1973: 243). Сейчас с точки зрения действия закона Ваккернагеля нередко предлагается рассматривать и т. н. ‘Verb-Second Position Phenomenon’ в немецком языке; ср.: (Anderson 1993).

¹⁴ См. тезис № (v) ниже.

¹⁵ В качестве материала для исследования использовались Гомер (выборочно), Гесиод, Феогнид, Геродот (выборочно), Платон (выборочно), Менандр (выборочно), Полибий, Дионисий (выборочно) и Матфей.

литики, в то время как Я. Ваккернагель специально их не выделял.¹⁶ Во-вторых, примеры, когда энклитики оказываются далее второй позиции, не ограничиваются койне и нередко обнаруживаются в греческих текстах архаического и классического периодов. Так Дж. Деннистон (Denniston 1954: 174f, 185–189) указывает случаи, когда сентенциальная энклитика *δέ* оказывается на пятой позиции. Ниже приводится пример из Илиады:

(3) Ἔκτορ, υἱὲ Πριάμοιο, τί ἢ [δέ]_{Cl} σὺ

‘Гектор, сын Приама, что же ты...’ (Il. XV. 244).

а у Геродота встречаются случаи, когда слабая форма местоимения в функции дополнения (*Op*) появляется даже на девятой позиции в предложении:

(4) καὶ διότι μούνος ἠπίστατο τὸν Σμέρδιος, τοῦ Κύρου θάνατον αὐτοχειρίῃ
[μι]_{Op} ἀπολέσας

‘...и так как лишь он (Прексасп) знал о смерти Смерда, сына Кира, собственноручно *ego* убив...’ (Hdt., III. 74).

Тем не менее, эти примеры вовсе не противоречат закону Ваккернагеля. Неоднократно упомянутый М. Йансе (Janse 2000: 233) убедительно показывает, что необходимо уточнить понимание терминов, использованных Я. Ваккернагелем (см., например, сн. 17): *Satz* следует рассматривать не как ‘предложение’ (*sentence*), а ‘фразу’ (*clause*) или даже скорее, как ‘интонационную группу’, тем более что, по словам Я. Ваккернагеля, «позиция, непосредственно после первого слова связана с ослаблением ударения».¹⁷ Следовательно, первая позиция должна оказываться ударной (*Tonstärke*).¹⁸ Свое понимание закона Ваккернагеля М. Йансе (Janse 2000: 234) демонстрирует, в частности, на двух примерах из Одиссеи:

¹⁶ Серьезные попытки разграничить энклитики на группы предпринимались значительно позднее и были в основном связаны с попытками объяснить, почему не все безударные слова ставятся в соответствии с законом Ваккернагеля. Одна из наиболее удачных попыток была, как мне кажется, предпринята на латинском материале Дж. Адамсом, который предлагает выделять три типа энклитик: сентенциальные (*autem, enim, igitur, -ne*); внутренние или несентенциальные, сфера действия которых, в отличие от сентенциальных, направлена не на все предложение в целом, а только на словоформу-хозяина (*quidem, копула esse*); местоименные клитики. Дж. Адамс отмечает, что сентенциальные энклитики в латинском языке с большей обязательностью занимают вторую позицию в предложении, чем два других типа, позиция которых, в большей или меньшей степени, зависит от позиции управляющего слова (см. подробнее: Adams 1994: особенно гл. I; Janse 1997; о функционировании закона Ваккернагеля в латыни см.: Janse 1994c; 2000).

¹⁷ “<...> die Stelle unmittelbar hinter dem ersten Wort des Satzes mit Tonschwäche verbunden sei” (Wackernagel 1892: 406).

¹⁸ Ср. с утверждением Б. Комри (Comrie 1980: 86f), трактующим закон Ваккернагеля, как перемещение энклитик «на позицию между топиком (темой) и комментарием (ремой), т. е., на место основной интонационной паузы».

(5) ἀλλά [με]ορ / σός [τε]сl πόθος / σά [τε]сl μήδεα / φαίδιμ Ὀδυσσεύ // σή [τ]сl
ἀγανοφροσύνη / μελιηδέα / θυμὸν ἀπήύρα

‘...но у меня и тоска по тебе, и мысли о тебе, славный Одиссей, // и о твоей кротости похитили сладкую как мед жизнь’ (Od. XI. 202–203).

(6) καί [οί]ορ πολλά δόσαν / [πέμπειν]vnf [τέ]сl [μι]ορ / ἤθελον αὐτοί

‘...и ему многое дали, и пожелали сами проводить его’ (Od. XIX. 281).¹⁹

В обоих примерах энклитики занимают вторую позицию²⁰ в интонационной группе. М. Йансе²¹ далеко не первый и не единственный, кто таким образом интерпретирует закон Ваккернагеля: Дж. Адамс (Adams 1994: 2) и К. Г. Красухин (1997: 71) используют термин *колон*, описанный, в частности, Э. Френкелем в серии статей под названием “Kolon und Satz” (начиная с 1932 г.): «Эта древнейшая тенденция постановки (энклитик) действует теперь как в начале предложения, так и в начале того меньшего единства, которое во многих отношениях является отражением предложения, т. е., в начале колона».²²

Впрочем, с помощью подобных доводов невозможно ни опровергнуть Г. Данна, ни, напротив, подтвердить его точку зрения: Г. Данн признает существование примеров, где местоименные энклитики оказывались не на второй позиции и в классический период, но говорит о явном преобладании подобного рода случаев во времена койне. Поэтому целесообразно проверить утверждение Г. Данна на тексте, созданном в эпоху т. н. *позднего койне* (IV–X вв.), когда греческий язык претерпел значительные изменения на всех уровнях и, в резуль-

зы в предложении» (“<...> into the position between the topic (theme) and the comment (rheme) of the sentence, i. e. into the main intonation break with the sentence”). Это означает, что энклитика выступает в роле маркера акцентного выделения предыдущего синтаксического элемента, занимая вторую позицию по той причине, что в предложении после ударной позиции обязательно идет спад, и отсутствие ударения привлекает сюда энклитики. Однако предложение не является минимальной просодической единицей, следовательно, обладает не одной ударной позицией; ср. с замечанием К. Г. Красухина (1997: 71): «Совершенно очевидно, что в предложении может быть не одно фразовое ударение».

¹⁹ V — личная форма глагола, V_{imp} — императив, V_{inf} — инфинитив, V_{prt} — причастие.

²⁰ В примере (6) τέ μιυ является цепочкой энклитик, занимающей вторую позицию. К. Г. Красухин (1997: 72), отмечает, что в XIII, XVI и XVII песнях «Илиады», просмотренных Я. Ваккернагелем (2465 стихов), энклитическое местоимение третьего лица единственного числа μιυ 21 раз стоит на втором месте в предложении и 28 — на третьем или четвертом, но *всегда* (sic!) после сентенциальных энклитик, таких, как δε и γαρ.

²¹ См. также: (Janse 1987: 2646, 2648; 1993a: 97f; 1993b: 19, 22; 1997: 106).

²² “Diese uralte Stellungstendenz herrscht nun genau so wie am Anfang des Satzes auch am Anfang jener kleineren Einheit, die in mehrhafter Hinsicht ein Abbild des Satzes ist, nämlich des Kolons” (Fraenkel 1933: 319; см. также: Fraenkel 1966: 67). Интересно, что на полвека ранее подобные наблюдения сделал и А. Вейль (Weil 1879: 96; подробнее см.: Janse 1987: 2648).

тате, превратился в новогреческий. Очень существенные и, вероятно, наиболее показательные процессы происходят в области просодики и синтаксиса. Т. М. Николаева (1996: 15) даже относит к этому времени начало нового этапа просодической эволюции греческого языка, а именно — пост-словного, «когда фразово-просодической единицей оказывается фрагмент, больший, чем слово, а мелодические контуры становятся все более четко очерченными и глобальными». К сожалению, в связи с развитием греческой диглоссии²³ реальные изменения, происходившие в греческом языке, начинают отражаться в письменных памятниках, как принято считать, лишь начиная с XI в. В то же время, как указывается во многих исследованиях, посвященных позднему койне, основные особенности речи образованных людей того времени можно обнаружить в «Луге Духовном» Иоанна Мосха.²⁴ Испанская исследовательница Роза Мария Агилар (Aguilar 1983–84: 336) дает следующую характеристику языку этого литературного памятника: «Язык Иоанна Мосха является частью христианской литературной традиции, как один из примеров новозаветного койне. Стиль Мосха, в целом, простой и

²³ О диглоссии в эпоху койне см.: (Frösén 1974; Niehoff-Panagiotidis 1994: 197f).

²⁴ Византийский монах Иоанн Мосх родился, вероятно, около 550 г. в Киликии и провел большую часть жизни на Ближнем Востоке, где посетил множество православных монастырей (подробнее см.: Chadwick 1974; Patten- den 1988; Simón Palmer 1993a: 42–48); сведения о жизни автора, помимо текста, можно почерпнуть из анонимного предисловия к «Лугу Духовному» (т. н. *Prologos*), встречающегося в ряде рукописей (опубликовано: Usener 1907: 91–93), и «Записки» патриарха Фотия (*Bibliotheca*, cod. 199), являющейся, в сущности, сокращенным пересказом анонимного предисловия). Остаток жизни Мосх провел либо в Константинополе, либо в Риме, где и умер в 619 или 634 г. (подробнее см.: Rozemond 1977; Follieri 1988; Louth 1998). Незадолго до смерти Мосх пишет патерик (сборник рассказов) на основании историй, якобы услышанных или увиденных автором в монастырях. В действительности многие истории основываются на бродячих сюжетах, часто встречающихся и в других патериках, в т. ч. и более ранних (см. также: Knapp 1971; Opelt 1964).

Патерик Мосха, в основном, называют «Луг Духовный» и по-латински: *Pratum Spirituale*. В рукописях встречается три варианта названия: *Λεῖμων* (иногда с добавлением прилагательного *πνευματικός* ‘Луг Духовный’), диминутив *Λεῖμωνάριον* (досл. ‘лужок’, отсюда возникло иногда встречающееся в отечественной литературе название *Лимонарь*, которое мне кажется неудачным) и *Νέος παράδεισος* ‘Новый сад’. Сейчас основной текст доступен по изданию *Patrologia Graeca* (Migne 1857–1866: Т. 87. N 3 — далее *PG*), и некоторые отрывки, не опубликованные у Миня, или сведения о них можно найти в следующих работах: (Clugnet 1905; Mioni 1971: 83–94; Nissen 1938; Patten- den 1975: 49–54; Simón Palmer 1993a: 57–62). Издание *PG* приходится признать по многим причинам крайне не удовлетворительным (см.: Patten- den 1975: 38–48; Patten- den 1984; Patten- den 1989), однако лингвистический анализ разночтений, частично представленных в этом издании, показывает, что языковые особенности «Луга Духовного» можно исследовать по *PG* (подробнее см.: Бондарко–Кисилиер 2002: 18–23; Кисилиер 2003: 9–10).

разговорный, однако в то же время он соответствует языку высокообразованного человека, например, монаха».²⁵

Утверждение о том, что в «Луге Духовном» в какой-то степени отражены явления, реально происходившие в то время в языке, хотя и оказывается во многих работах голословным, может быть подкреплено совокупностью следующих фактов. Во-первых, об этом свидетельствует исключительная популярность этого патерика, бывшего своего рода византийским бестселлером: сохранилось более 145 рукописей (!), содержащих текст полностью или частично, а также имеется множество ранних переводов «Луга Духовного» на другие языки.²⁶ Следовательно, текст был легко доступен необразованным читателям/слушателям, уже не понимавшим «классический» язык. Во-вторых, в лексике «Луга Духовного» встречается около сотни латинских заимствований, относящихся к тем сферам жизни, где влияние запада было особенно сильным.²⁷ Кроме того, для обозначения рыбы используется не древнегреческое ἰχθύς, а диалектное ὠψάριον (PG 3060D5), позднее перешедшее в новогреческое ψάρι. В-третьих, в тексте Мосха заметна стилистическая неоднородность, отражающаяся и на языковом уровне: одни и те же грамматические категории могут выражаться по-разному — либо как в древнегреческом, либо за ними просматриваются уже новогреческие формы, причем выбор формы обусловлен особенностями высказывания: его типом (диалог, повествование) и темой (наставление в вере, рассказ о замечательном событии, разговор на бытовую тему).²⁸ В качестве иллюстрации можно привести количественные данные по употреблению форм будущего времени в «Луге Духовном», собранные Паломой Ортиз-Гарсиа (Ortiz García 1976–77: 115):²⁹

Табл. 1. Влияние стиля на выбор средств выражения будущего времени.

Средство выражения будущего времени	Количество примеров	Библейские цитаты	Высокий стиль	%	Просторечный стиль	%
Futurum Classicum	59	10	47	96,6	2	3,4
Praesens в значении Futurum	141	—	84	59,5	57	40,5

²⁵ Интересно, что патриарх Фотий, говоря о «Луге Духовном», отмечает относительную грубость и низость стиля этого патерика (162b. 5–6, по изданию: Henry 1962).

²⁶ Например, старославянский перевод «Луга Духовного», известный как «Синайский патерик» (Гольщенко–Дубровина 1967), датируется X в. Существует гипотеза, согласно которой, старославянский вариант является вторичным переводом и был сделан с болгарского, который, следовательно, появился еще раньше (подробнее см.: Van Wijk 1933a; 1933b).

²⁷ Полный список латинских заимствований и калек представлен в работе: (Simón Palmer 1993b).

²⁸ Подробнее см.: (Кисилиер 2002; 2003: 12–13).

²⁹ Отдельные неточности в подсчетах были исправлены.

Coni. Aor. В значении Futurum	11	—	9	81,9	2	18,1
οὐ μὴ + Coni. Aor.	12	2	10	100,0	—	0,0
ἔσομαι + Part. Fut.	4	3	1	100,0	—	0,0
μέλλω + inf.	8	—	3	37,5	5	62,5
ἔχω + inf.	30	—	13	43,3	17	5,67
Итого	265	15	167	68,7	83	31,3

В-четвертых, в морфологии «Луга Духовного» встречается ряд отклонений от древнегреческой нормы, в целом, соответствующий современным представлениям о развитии греческого языка в период позднего койне. Сюда можно отнести «путаницу» в падежном управлении (в первую очередь имеется в виду дательный падеж, отсутствующий в новогреческом), употребление числительных и неопределенно-личных местоимений в функции неопределенного артикля, использование аналитических форм будущего времени и времен перфекта.³⁰

Вернемся к закону Ваккернагеля. В «Луге Духовном» энклитика оказывается *во многих случаях* на второй позиции если не в предложении (7), то в колонне (8):

(7) ἔκρουσέν [τις]_{Cl} τῶ σπηλαίῳ μου

‘...постучался *кто-то* в мою пещеру...’ (PG 2865B6).³¹

(8) διὰ τί / οὕτως [με]_{Op} θλίβεις

‘...за что ты так *меня* мучаешь...’ (PG 2913A11–12).

Однако встречаются примеры, где энклитика (очевидно не являющаяся внутренней) оказывается далее второй позиции:

(9) Ὅτε ἦλθον Βάρβαροι εἰς τὴν Σκήτιν, / ἀνεχώρησα, / καὶ ἦλθον εἰς τὰ μέρη Γάζης, / καὶ ἔλαβόν [μοι]_{Op} κελλίον εἰς λαύραν·

‘Когда варвары пришли в Скифию, я удалился и пришел в область Газы, и взял себе келью в лавре’ (PG 2909B4–6).

Здесь энклитика оказывается на третьей позиции в колонне (καὶ ἔλαβόν [μοι]_{Op}), сдвигаясь в составе VP. Хотя подобные примеры и не единичны, их существование, по моему мнению, не указывает на то, что закон Ваккернагеля уже «плохо» действует в тексте. Во-первых, из любого правила могут существовать исключения, которые необходимо учитывать, а во-

³⁰ О морфологии «Луга Духовного» см.: (Hesseling 1931: 49–57; Mihevč-Gabroveč 1960: 13–81; Mirambel 1966: 182; Tonnet 1982: 110, особенно сн. 21; Кисилиер 2003: 13–15).

³¹ Энклитика μου является внутренней (по терминологии Дж. Адамса; см. сн. 16), поэтому ее позиция определяется не просодической структурой предложения в целом, а местом словоформы-хозяина в этой структуре.

вторых, если относиться к закону Ваккернагеля как к типологическому параметру,³² можно, помимо второй позиции, выделить целый набор факторов, характерных для языка т. н. «ваккернагелевского» типа.³³ Проверим, как эти факторы представлены в «Луге Духовном» и есть ли основания причислять язык Иоанна Мосха к языкам «ваккернагелевского» типа:

(i) Тезис: В языке «ваккернагелевского» типа *сентенциальные энклитики обязательно обнаруживаются в рамках простого повествовательного предложения, а не только в вопросительных, побудительных предложениях и прочих специальных иллокуциях.*

Пример: Λέγω [οὐί]C1 αὐτῷ ‘Я говорю (вот) ему...’ (PG 2856C12).

(ii) Тезис: В языке «ваккернагелевского» типа *состав сентенциальных энклитик не может ограничиваться частицами и обязательно должен включать предикатные (связки, служебные глаголы) и аргументные (местоимения) слова.*

Пример 1 (предикатные энклитики): Ἀμαρτωλός [εἶμι]C1 ‘Грешник *есть*’ (PG 3015A14). Очевидно, это касается глагола εἶμι только в настоящем времени и только в функции глагола связки и, по-видимому, не распространяется на аналитические формы перфекта.

Пример 2 (аргументные энклитики): Ἔδει [σε]Op, τέκνον, ὡς Πατρί σου ἀκούσαι μου ‘Следовало бы тебе, чадо, послушаться меня, как Отца своего’ (PG 2885B1–2); Ἐλεγόν [τινες]C1 τῶν γερόντων ‘Рассказывали *некоторые* из старцев’ (PG 3004B1). Следует заметить, что неопределенно-личные местоимения иногда занимают в «Луге Духовном» первую позицию: [Τίς]C1 τῶν γερόντων ‘*Кто-то* из старцев’ (PG 2897D1).³⁴

При рассмотрении аргументных энклитик нельзя обойти вопрос о том, действительно ли слабые формы местоимений (по крайней мере, личных) сентенциальными энклитиками. Этот вопрос возникает в связи с ситуацией во многих романских и балканских языках, в частности, в новогреческом,³⁵ где слабые формы личных местоимений являются *глагольными* клитиками.

³² Вероятно, первым кто отметил, что закон Ваккернагеля следует рассматривать, как типологическую универсалию, причем свойственную не только для индоевропейских языков, был Е. Курилович (Kurilovicz 1958: 613).

³³ Например, см.: (Циммерлинг2002: 72–77), где эти критерии описаны на материале скандинавских языков.

³⁴ Традиционно с ударением и на первом месте писалось только вопросительное местоимения, а неопределенно-личное было безударным. В данном примере местоимение τίς, очевидно, не вопросительное, и его следует рассматривать, как проклитику.

³⁵ В этих языках можно отметить вырождение системы кодирования тактовых групп в соответствии с законом Ваккернагеля (т. н. W–системы; W = Wackernagel) и выделить подтип W*–систем (или «вырожденных» W–систем), изначально восходящих к W–системам. Отличительные свойства W*–систем:

Ниже перечисляются наиболее существенные различия между сентенциальными и глагольными клитиками:³⁶

а. Ориентация на словоформу-хозяина. Согласно наблюдениям А. В. Циммерлинга (2002: 71) ориентация сентенциальных и глагольных клитик различается следующим образом:

Табл. 2. *Ориентация клитик на словоформу-хозяина.*

	Проклитики	Энклитики
Сентенциальные клитики	?	+
Глагольные клитики	+	+

Постановка вопросительного знака на пересечении строфы «сентенциальные клитики» и столбца «проклитики» справедлива: с одной стороны, проклиза для этого типа клитик нетипична. С другой стороны, можно привести примеры греческих сентенциальных проклитик — союз $\epsilon\iota$ ‘если’ (всегда) и приведенный чуть выше пример с неопределенно-личным местоимением $\tau\iota\varsigma$ на первой позиции в предложении (см. сн. 34). Таким образом ориентация на словоформу-хозяина не может считаться основным различительным признаком. Поэтому тот факт, что слабые формы личных местоимений в функции дополнения в «Луге Духовном» всегда графически оформляются как энклитики независимо от их позиции относительно управляющего глагола,³⁷ еще не свидетельствует о сентенциальном характере местоименных клитик в этом тексте.

б. Сочетаемость с другими энклитиками. Сентенциальные энклитики, в отличие от глагольных, формируют цепочки энклитик, внутри которых действует т. н. *Правило рангов* (подробнее см. тезис № (vi), где также приводятся соответствующие примеры из «Луга Духовного»).

- а) Ограниченный инвентарь клитизируемых категорий (в основном — объектные местоимения).
- б) Клитизированные элементы примыкают только к глагольным формам и локализованы в VP.
- с) Клитики и их цепочки лишены постоянного места в предложении, объединяясь со словоформой-хозяином в единый блок, не распадающийся при перемещении глагольной формы (подробнее см.: Циммерлинг 2002: 84–91).

³⁶ Я благодарю А. В. Циммерлинга, указавшего мне на эти факты.

³⁷ Подобная ситуация характерна и для древнегреческого: в примерах, типа следующего словосочетания из Геродота: $\alpha\upsilon\tau\omicron\chi\epsilon\rho\iota\eta\ [\mu\iota]\text{ор} [\acute{\alpha}\rho\omicron\lambda\acute{\epsilon}\sigma\alpha\varsigma]\text{врп}$ (пример (4)), слабые формы местоимения всегда считаются энклитиками. На данную проблему обратил внимание еще И. М. Тронский (1962: 61, 65) и высказал предположение, что слабая форма местоимения может быть как проклитикой, так и энклитикой, несмотря на традиционную орфографию. Это уточнение, при всей своей заманчивости, представляется неверным, т. к. случаи дистантной препозиции намного более часты, чем контактной, что, в частности, удастся продемонстрировать на примере «Луга Духовного»; см. ниже п. е.

с. Возможность дистантного написания сентенциальной энклитики и управляющего глагола: *κἀγῶ* [*σοι*]_{Op} *τὴν ὑγείαν* [*παρέχω*]_V ‘и я тебя наделю здоровьем’ (PG 2853B5–6).

Если приведенные выше факты свидетельствуют о том, что местоименные клитики в тексте Мосха следует рассматривать как сентенциальные, то следующие наблюдения говорят об обратном:

d. Сочетания энклитик не всегда формируют цепочку клитик (см. тезис № (v)). Иногда цепочки энклитик разрываются в связи со сдвигом местоименной формы вправо, барьером для которой оказывается управляющий глагол: *πολλάκις* [*γάρ*]_{Cl} [*συνέθου*]_{V(Барьер)} [*μοι*]_{Op} ‘...ибо много раз ты обещал мне...’ (PG 2856A7–8); *Ὡς* [*οὖν*]_{Cl} / [*εἶδέν*]_{V(Барьер)} [*με*]_{Op} *ὁ πτωχός* ‘Когда же увидел меня нищий...’ (PG 2893A5). Показательно, что глагольная форма служит барьером только для местоименной энклитики, но не для частицы (*γάρ* или *οὖν*). Этот факт, очевидно, свидетельствует в пользу приведенного выше утверждения Т. М. Николаевой (1996: 15) о появлении в период койне тенденции к совпадению границ синтаксических и просодических единств.

e. Преобладание контактной постпозиции местоименной энклитики относительно управляющего глагола:³⁸ 493 случая против 71 препозиции (контактной и дистантной).³⁹ Сюда можно отнести также тот факт, что позиция местоименного дополнения относительно управляющего глагола определяется не столько просодическими факторами, сколько семантическими и частично даже влиянием синтаксического окружения (т. н. *Контекстно-Зависимыми (КЗ-) правилами*).

Контактную постпозицию следует считать базовым порядком. На это указывают не только количественные подсчеты, но и, во-первых, низкая информативность местоименных дополнений в постпозиции⁴⁰ и во-вторых, отсутствие примеров препозиции при формах императива.

³⁸ Случаи, когда слабая форма местоимения оказывается компонентом цепочки энклитик также сюда включены, т. к. цепочка энклитик рассматривается как единая позиция независимо от количества компонентов.

³⁹ Подробнее см.: (Кисилиер 2003: 22).

⁴⁰ Во многих примерах плеонастичность местоименного дополнения очевидна из контекста: *Καὶ* [*κρατήσας*]_{Vprt} [*με*]_{Op} <...> *τῆς χειρὸς*, [*λέγει*]_V [*μοι*]_{Op} ‘И схватив меня ... за руку он говорит мне...’ (PG 2917A5–6), *Τότε* [*λέγει*]_V [*μοι*]_{Op} *ὁ φανεῖς* [*μοι*]_{Op} *νεανίας* ‘Тогда говорит мне явившийся мне юноша...’ (PG 2917A13–14). Второе местоименное дополнение информативно избыточно, т. к. объект ясен из контекста. Впрочем, если рассматривать историю целиком, то окажется, что и первое местоименное дополнение не несет никакой новой информации. Сюда же можно отнести примеры постпозиции при глаголах речевой деятельности (*V_{dic}*) и зрительного и чувственного восприятия (*V_{vid}*): *Καὶ ἀποκριθεῖσα* [*λέγει*]_{Vdic} [*μοι*]_{Op} ‘И отвечая, она говорит мне...’ (PG 2865B8); *Ὡς δὲ* [*εἶδέν*]_{Vvid} [*με*]_{Op} ‘Когда же она увидела меня...’ (PG 2901A9).

Препозиция является маркированным порядком, и ее появление в основном связано с процедурами эмфазы. Наиболее типичная ситуация выгладит так: маркирована глагольная форма; действие эмфазы приводит к изменению порядка слов и, в результате, маркированная глагольная форма «уходит» за местоименное дополнение: [Δός]_{Vimp} [μοι]_{Op} οὖν λόγον ὅτι ὦδε κατοικεῖς, κἀγὼ [σοι]_{Op} τὴν ὑγείαν [παρέχω]_V ‘Дай же мне слово, что останешься на этом месте, и я тебя наделю здоровьем’ (PG 2853B4–5). В этом предложении присутствует антитеза, в центре которой во второй части высказывания находится глагол (*и тогда-то я и наделю тебя здоровьем*).⁴¹

Иногда под влиянием эмфазы сдвигается компонент высказывания, тесно связанный синтаксически с местоименным дополнением, обычно согласованное определение (Det), и «утягивает» местоименную энклитику за собой: ἄρα οὐδε ὡς {[νεκράν]_{Det} [με]_{Op}} ὄφειλες [οἰκτεῖραι]_{Vinf}; ‘Неужели ко мне, даже мертвой, ты не должен был почувствовать жалость?’ (PG 2933D4–5). Если бы местоименная энклитика осталась позади глагола и νεκράν и με стояли дистантно, это могло значительно затруднить понимание, т. к. связь между этими словами не очевидна.⁴²

Последняя вероятная причина препозиции местоименной энклитики не связана с процедурами эмфазы. Слабая форма местоимения иногда используется, чтобы «разбавить» скопление глагольных форм: οὐ [θέλει]_V [με]_{Op} [λαβεῖν]_{Vinf} διὰ τὰ παῖδιά ‘...не хочет меня взять (в жены) из-за детей...’ (PG 2929B11).

В общем виде факторы, влияющие на позицию местоименной энклитики относительно управляющего глагола можно представить следующим образом:

По моему мнению, слабая форма местоимения в постпозиции служит, в основном, для заполнения пустующих валентностей глаголов. В то же время выражение VO_p = Ve_i (e_i — нулевой объект) представляется неверным, безударное местоименное дополнение в постпозиции, скорее, следует считать аналогом определенного артикля у существительных (подробнее см.: Panagiotidis 2002: 64f, 70).

⁴¹ Иногда на маркированность глагольной формы дополнительно указывает наречие или усиленное отрицание (Mark): διὰ τί {οὕτως}_{Mark} [με]_{Op} [θλίβεις]_V ‘...за что ты так меня мучаешь...’ (PG 2913A11–12); {οὐ μὴ}_{Mark} [σε]_{Op} [ἔάσω]_V ‘...ни в коем случае тебя не отпущу’ (PG 2888B8).

⁴² Подразумевается νεκράν οὐσαί.

Табл. 3. Основные правила расстановки местоименных энклитик в «Луге Духовном».

№	Порядок	Условия	Обязательность
1.1	VO _p	Глагольная форма начинает предложение	Всегда
1.2		V = V _{imp}	
1.3		V = V _{dic}	Почти всегда ⁴³
1.4		V = V _{vid}	Регулярно
1.5		В предложении нейтральный порядок слов	Обычно
2.1	O _p V	Глагольная форма маркирована, а перед ней стоит либо усиленное отрицание (οὐ μή, οὐκ ἔτι), либо наречие οὕτως ⁴⁴	Всегда
2.2		Неглагольный элемент, тесно связанный с местоименной энклитикой синтаксически или просодически, маркирован и в результате действия эмфазы сдвигается в начало предложения/колона ⁴⁵	
2.3		Местоименная энклитика управляется инфинитивом, в свою очередь зависящим от личной формы глагола, находящейся перед ним на минимальной дистанции	Регулярно

Рассмотрение особенностей местоименных энклитик в тексте Иоанна Мосха позволяет сделать вывод, что они демонстрируют явную тенденцию к переходу в разряд глагольных клитик, однако пока еще не стали таковыми и, наравне с «новыми» качествами, сохраняют множество черт, свойственных для сентенциальных энклитик.

(iii) Тезис: *Сентенциальные энклитики являются словами с заданным коммуникативным статусом анафорической или подавленной темы и не допускают логико-семантических операций, несовместимых с данным статусом — контрастивного выделения, противопоставления, сопоставления, эмфазы.*

Контрпримеров, где бы сентенциальная энклитика оказывалась в фокусе внимания, не будучи не в составе пропозиции, на материале «Луга Духовного» не обнаружено.

⁴³ Обнаружено только три исключения.

⁴⁴ Данное правило нейтрализует правило 1.3.

⁴⁵ Случаи единичны.

(iv) Тезис: *Сентенциальные энклитики могут иметь полноударные дублетные формы, выражающие те же синтаксические категории и допускающие операции контрастивного выделения, противопоставления, эмфазы.*

Пример: Ἔστιν δέ ὁ τόπος ὁ ἐπιλεγόμενος Σάψας ‘Является же это место называемым Сапсас’ (PG 2853B10–11). В отличие от примера 1 тезиса № (ii), глагол εἶμι логически выделен (графически оформлен как ударный, стоит в самом начале предложения, и его выделенность также подтверждается наличием энклитики δέ, являющейся показателем маркированности. Сюда также относятся случаи противопоставления неопределенно-личного местоимения τις и вопросительного τίς: Αὐτὸς γὰρ τίς εἶ; ‘А ты сам-то кто?’ (PG 2853A14–15);⁴⁶ ср. с примером 2 тезиса № (ii).

(v) Тезис: *В языке «ваккернагелевского» типа одиночная энклитика, занимающая второе место в колонне, при подходящем лексико-синтаксическом составе высказывания может быть заменена цепочкой энклитик.*

Пример 1 (цепочка сентенциальных энклитик): συναγαγὼν {[δέ]Cl [καί]Cl} ἀδελφότητα ‘Собралась же и братия’ (PG 2853B10).

Пример 2 (цепочка состоит из сентенциальной и аргументной энклитики): Λέγω {[γάρ]Cl [σοι]Op} ‘Ибо говорю тебе...’ (PG 2873A13).

Пример 3 (цепочка состоит из сентенциальной и предикатной энклитики): οὐ {[γάρ]Cl [εἶμι]Cl} ἐγώ ‘...ибо это не я...’ (PG 2913C9).

(vi) Тезис: *В языке «ваккернагелевского» типа всегда действует Правило рангов энклитик, упорядочивающих их, когда они стоят контактно.*

В «Луге Духовном» наблюдаются правила, упорядочивающие энклитики в рамках одной цепочки:

i. Сентенциальные энклитики всегда оказываются перед аргументными: Πιστεύσατε {[γάρ]Cl [μοι]Op} ‘Поверьте же мне...’ (PG 2908D4)⁴⁷ и предикатными (см. пример 3 тезиса № (v)).

⁴⁶ О том, что τίς не энклитика, свидетельствует, во-первых, *gravis* на предыдущем γὰρ, во-вторых, — наличие ударения на последующем εἶ (т. е., τίς εἶ не цепочка энклитик, при которой первая энклитика графически оформляется с острым ударением) и, в-третьих, τίς оказывается первым элементом в колонне: Αὐτὸς γὰρ / τίς...

⁴⁷ Ср. с примером 2 тезиса № (v), а также см. сн. 20.

ii. Среди синтаксических энклитиков также наблюдается иерархия — *δέ* предшествует *καί* (см. пример 1 тезиса № (v)).

iii. Местоименные энклитики могут стоять перед неопределенно-личным местоимением *τις*: *Διηγήσατό [μοί]_{OP} [τις]_{CI} τῶν Πατέρων* ‘Рассказал мне кто-то из отцов...’ (PG 2868A4).

iv. Среди частиц также наблюдается иерархия: *Ἔλεγον* {[*δέ*]_{CI} [*καί*]_{CI}} *τοῦτο* ‘Говорили также и это...’ (PG 2896A7).⁴⁸

В результате, Правило рангов в тексте Иоанна Мосха можно представить в виде следующей схемы:⁴⁹

Табл. 4. Правило рангов энклитиков в «Луге Духовном».

Синтаксические		Предикатные/аргументные	
I	II	III	IV
Частицы (<i>γάρ, δέ, δή, οὐν</i> и проч.) <i>δέ</i>	 <i>καί</i>	Формы глагола <i>εἶμι</i> , слабые формы местоимений Местоименные энклитики 1, 2 л. ед. ч.	Слабые формы неопределенно-личных местоимений

В то же время в «Луге Духовном» обнаруживаются отдельные примеры, на первый взгляд противоречащие только что сформулированному Правилу рангов:

а. *οὕτως ἔδει* {[*σέ*]_{OP(1)} [*με*]_{OP(2)}} *γυμνάσαι*; ‘...так надо было, чтобы ты меня раздел?’ (PG 2933D1–2). В этом примере в непосредственном контакте оказываются два местоименные энклитики (*σέ με*), первая из которых является подлежащим оборота *Accusativus cum Infinitivo*, а вторая — прямым дополнением в рамках того же оборота. Сочетание *σέ με* нельзя рассматривать как цепочку энклитиков в связи с невозможностью появления двух энклитиков одного ранга в рамках одной тактовой группы,⁵⁰ несмотря на то, что *με* на графике имеет единое ударение с *σέ*. Следовательно, местоименные формы должны относиться не только к разным синтаксическим, но и просодическим единствам. С одной стороны, это в очередной

⁴⁸ Ср. с примером 1 тезиса № (v).

⁴⁹ Интересно, что похожая иерархия энклитиков, по-видимому, существовала и в древненовгородском диалекте (см.: Зализняк 1993: 282).

⁵⁰ Ср. с похожим замечанием А. А. Зализняка (1993: 282) относительно древнерусских энклитиков; данное ограничение, согласно А. В. Цимерлингу (2002: 83), можно рассматривать, как «общий принцип любого *Правил Рангов*».

раз подтверждает уже неоднократно упомянутое замечание Т. М. Николаевой (1996: 15) о тенденции к совпадению границ синтаксических и просодических единств в эпоху койне. С другой стороны, рассмотрение $\mu\epsilon$ как *проклитики* при глаголе ($\#\acute{\epsilon}\delta\epsilon\iota=\sigma\acute{\epsilon}\#\mu\epsilon=\gamma\upsilon\mu\nu\acute{\omega}\sigma\alpha\iota\#$), что, естественно, подразумевает существование в тексте Мосха глагольных клитик, представляется сомнительным. Поэтому вопрос о статусе $\mu\epsilon$ пока остается открытым, хотя, может быть, $\mu\epsilon$ следует считать энклитикой, но не к $\acute{\epsilon}\delta\epsilon\iota$, а к $\acute{\epsilon}\delta\epsilon\iota\ \sigma\acute{\epsilon}$, представляющему собой тесное синтаксическое единство: $\{(\acute{\epsilon}\delta\epsilon\iota\ \sigma\acute{\epsilon})\#\mu\epsilon\}$.

б. *Ἐλθόντα* $\{[\mu\epsilon]_{\text{op}} [\sigma\acute{\upsilon}\nu]_{\text{cl}}\}$ *εὐθύς ὁ γέρων εὐξάμενος ἐθεράπευσεν* ‘Когда я пришел (букв. меня пришедшего), тотчас же старец, помолившись исцелил’ (PG 2876A6–7). Хотя аргументная энклитика, действительно, предшествует синтаксической, однако $\mu\epsilon\ \sigma\acute{\upsilon}\nu$ не является цепочкой энклитик: местоименная энклитика $\mu\epsilon$ составляет вместе с причастной формой в винительном падеже (*ἔλθόντα*) независимый причастный оборот т. н. *Accusativus Absolutus*, сходный по функциям и структуре с *Genitivus Absolutus* и представляющим собой «предложение в предложении», куда входит местоименная энклитика, а синтаксическая — не попадает. Не исключено, что синтаксические энклитики, по крайней мере, в языке Иоанна Мосха, вообще не могут входить в состав независимых причастных оборотов.⁵¹ В подтверждение можно привести похожий пример: *Μόλις* $[\sigma\acute{\upsilon}\nu]_{\text{cl}}$ *ἔλθόντι λέγει αὐτῷ* ‘Едва он только пришел, говорит ему...’ (PG 2876B3), где встречается *Dativus Absolutus* (*ἔλθόντι* <...> *αὐτῷ*), компоненты которого расположены дистантно.⁵² В высказывании также встречается синтаксическая энклитика, не входящая в состав оборота. Поэтому, несмотря на дистантную позицию компонентов оборота, частица $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ ставится не между ними, а впереди.

с. *Δός* $\{[\mu\omicron\iota]_{\text{op}} [\sigma\acute{\upsilon}\nu]_{\text{cl}}\}$ *λόγον* ‘Дай же мне слово’ (PG 2853B5). Следует признать, что интерпретация порядка энклитик в этом примере вызывает значительные трудности. Можно предложить два объяснения нарушения Правила рангов: либо сочетание $\mu\omicron\iota\ \sigma\acute{\upsilon}\nu$ не единая цепочка энклитик, и $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ присоединяется уже к группе *δός μοι*, как и в предыдущем случае, либо в этом месте ошибка переписчика или издателя (должно было быть **δός σὺν μοι*). По-

⁵¹ Вероятно, $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ следует рассматривать как энклитику ко всему причастному обороту: $\{(\acute{\epsilon}\lambda\theta\acute{\omicron}\nu\tau\alpha\ \mu\epsilon)\#\sigma\acute{\upsilon}\nu\}$.

⁵² Дистантность позиции, как мне кажется, объясняется тем, что в высказывании присутствует глагол речевой деятельности, по-видимому, требующий в тексте Мосха обязательного косвенного дополнения. В связи с этим местоимение *αὐτῷ* одновременно выполняет две функции: служит косвенным дополнением при глаголе *λέγει* и является подлежащим независимого причастного оборота.

следнее предположение кажется вполне убедительным тем более, что в имеющемся издании содержится множество ошибок.

d. *Λέγει* {[*μοι*]_{Op} [*καί*]_{Cl}} *αὐτός* ‘Говорит мне и он’ (PG 2997A14): *καί* не входит в единую цепочку энклитик с *μοι*, т. к. относится не к VP, а подлежащему *αὐτός*. Я даже не уверен, что частица *καί* в этом примере вообще является сентенциальной энклитикой.

(vii) Тезис: В языке «ваккернагелевского» типа обязательно имеются правила отодвигающие энклитики дальше второй позиции.

Выделяется два правила, смещающие энклитику за вторую позицию:

a. Правило Барьера: *ἔχεις* / {*ποῦ*}_{Барьер} *λαβεῖν* [*με*]_{Op} ‘...у тебя есть, где содержать меня...’ (PG 2892B10–11): в функции *Грамматикализованного Барьера* выступает союз; см. пример (9): {*καί*}_{Барьер} *ἔλαβόν* [*μοι*]_{Op}.

b. Запреты на Разрыв Составляющих: *Ἄρα* {*οὐκ αὐτὴ ἢ φύσις*}_{Сложная Составляющая} [*σε*]_{Op} *ἔτεκεν*; ‘Разве не та же самая природа тебя родила?’ (PG 2933D7–8), где разрыв Сложной Составляющей (= NP) может привести к непониманию, а постановка VP перед NP меняет смысл вопроса.

(viii) Тезис: В языке «ваккернагелевского» типа общее число энклитик обязательно превышает число элементов, специализированных в функции сентенциальных энклитик.

В «Луге Духовном», помимо сентенциальных энклитик, встречаются внутренние (притяжательные местоимения): *ἔκρουσέν τις τῷ σπηλαίῳ* [*μου*] (см. пример (7)).

(ix) Тезис: В языке «ваккернагелевского» типа вторая позиция в нем может замещаться атонируемые элементами, неспециализируемыми в роли сентенциальных энклитик.

Пример: *ἔρωτᾶν αὐτὸν*, / *πόθεν* {*τέ*} *ἔστιν*, *καί* ‘...(начал) расспрашивать его и о том, откуда он, и...’ (PG 2888B3).

(x) Тезис: В «ваккернагелевском» языке словоформы, атонируемые во второй позиции, могут в ряде случаев объединяться с сентенциальными энклитиками и составлять с ними общие цепочки.

Примеров, полностью соответствующих тезису, не обнаружено.

Итоги проверки:

Проверяемый параметр	Результат
(i)	+
(ii)	?(+)
(iii)	+

(iv)	+
(v)	+
(vi)	+
(vii)	+
(viii)	+
(ix)	? (+)
(x)	? (-)

В «Луге Духовном» не удалось найти полного соответствия всем требуемым параметрам. Этому можно предложить два объяснения: во-первых, один текст не может отражать все особенности греческого языка того времени, а, во-вторых, в период позднего койне в греческом происходят значительные изменения в области просодики (в частности, постепенное превращение местоименных энклитик в глагольные клитики), и несоответствие ряду параметров можно рассматривать как отражение этих изменений. В любом случае закон Ваккер-нагеля приходится отнести к основным принципам расстановки словоформ в «Луге Духовном», что подкрепляется еще одним несколько неожиданным доводом. Известному британскому неозллинисту П. Макриджу удалось сформулировать КЗ-Правила расстановки местоименных *глагольных* клитик относительно управляющего глагола, в основном, на материале Эскуриальской версии эпической поэмы «Дигенис Акрит» (XIV в.),⁵³ которые можно изобразить в виде таблицы:

Табл. 5. КЗ-правила П. Макриджа.

№	Порядок	Условия	Обязательность
1.1	VO _p	Синтагма находится в самом начале предложения или следует сразу за сочинительным или противительным союзом ⁵⁴	Более или менее обязателен
1.2		Синтагма непосредственно следует за союзами ὅτι, οὐ (которые вводят дополнительные придаточные предложения), εἰ (условие) и διότι (причина) ⁵⁵	

⁵³ См.: (Mackridge 1993; 1994; 2000). Несмотря на то, что КЗ-Правила П. Макриджа подверглись суровой критике со стороны П. Паппаса (Pappas 2001: 17–18), к похожим выводам пришли А. Ролло (Rollo 1989) и М. Йанссен (Janssen 1998) на материале других ранних поэтических текстах на новогреческом языке.

⁵⁴ Иными словами, порядок VO_p представляет собой нейтральный порядок в независимом предложении.

⁵⁵ Союзы ὅτι и διότι не являются членами того предложения, которое они вводят, т. е., по словам П. Макриджа (Mackridge 1993: 327), «...они не *подчиняют* предложение» (“they do not *subordinate* the clause”). Следователь-

1.3		Перед синтагмой стоит дополнение с тем же референтом, что и у местоименной клитики (местоименная реприза дополнения)	
2.1	O _p V	Перед синтагмой находится целевой союз ἵνα	Более или менее обязателен
2.2		Перед синтагмой находится частицы να, ἄς, θα	
2.3		Перед синтагмой находится отрицательные частицы и наречия μή, μηδέν, οὐδέν, δέν	
2.4		Перед синтагмой находится любое вопросительное местоимение или наречие	
2.5		Перед синтагмой находится неопределённое наречие πῶς	
2.6		Перед синтагмой находится любой союз, вводящий сравнительный оборот или придаточное времени	
2.7		Перед синтагмой находится союзы ἄν, ἐάν, вводящие придаточные условия	
2.8		Перед синтагмой находится любое относительное местоимение	
3		O _p V	
4	O _p V	Синтагма непосредственно следует за субъектом	Обычно
5	VO _p O _p V	Перед синтагмой стоит наречие времени	Свободно

Прежде всего, необходимо отметить, что КЗ-Правила П. Макриджа сопоставимы с правилами расстановки местоименных энклитик в «Луге Духовном» (см. Табл. 3). Отдельные различия между принципами расстановки местоименных клитик в обоих текстах объясняется тем,

но, безударные местоимения будут занимать ту же позицию, что и в независимых предложениях. Что касается οὐ и ἐί, они являются сами клитиками, и, возможно, соседство двух неударных элементов оказывается нежелательным.

что в «Эпосе о Дигенисе Акрите» просодия и синтаксис намного ближе к новогреческому состоянию, чем у Мосха.⁵⁶ Таким образом, сопоставимость КЗ-Правил П. Макриджа с ситуацией в тексте Мосха подтверждает, что синтаксис и просодия «Луга Духовного» во многом отражают процессы, имевшие место в греческом языке во второй половине первого тысячелетия н. э.⁵⁷

Интересно также, что в своих КЗ-Правилах П. Макридж на материале текста XIV в. фактически описал ряд факторов, характерных для языка «ваккернагелевского» типа,⁵⁸ и, в результате, продемонстрировал, что даже в этот период закон Ваккернагеля остается одним из принципов исчисления порядка слов. Следовательно, нет оснований отрицать действие закона Ваккернагеля на более ранних этапах развития греческого языка, в частности, в эпоху эллинизма, римского владычества или позднего койне.

Литература.

Бондарко Н. А., Кисилиер М. Л. Анализ языковой вариативности в средневековых религиозных текстах. — Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой. СПб, 2002.

Гольштенко В. С., Дубровина В. Ф. Синайский патерик. М., 1967.

Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот. — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* (ред.). Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

Иванов В. В. Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом. — *Цивьян Т. В.* (ред.) *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.

Казанский Н. Н. Гомеровское ὄς φάτο: история одного формульного выражения. — *Казанский Н. Н.* (ред.) *Индоевропейское языкознание и классическая филология – 4*. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. СПб, 2000.

⁵⁶ Ярким примером может служить существование в «Эпосе о Дигенисе Акрите» местоименной проклитики, которой еще нет у Мосха (см. тезис № (ii), пример 2, п. а и сн. 37).

⁵⁷ В итоге, можно утверждать, что следующая схема описания развития греческой просодии в целом справедлива: *W-система* → «Луг Духовный» → «Эпос о Дигенисе Акрите» → *W*-система* (см. также сн. 35).

⁵⁸ Согласно КЗ-Правилам П. Макриджа, местоименная клитика никогда не оказывается на первом месте в предложении, тяготея ко второй позиции (ср. с №№ 1.1, 2.1–2.8, 3, 4, 5 в Табл. 5) и иногда оказываясь при этом в препозиции (проклитикой) к управляющему глаголу. Как свидетельствуют №№ 1.1–1.3 и 5 (1), отход местоименной клитики далее второй позиции связан с Правилем Барьера, которое, правда, уже не всегда «срабатывает» (№№ 2.1–2.8, 3, 4, 5 (2)) в связи с переходом местоименных клитик в разряд глагольных, в результате которого и стала возможна местоименная проклитика.

Казанский Н. Н. Между письменным и устным текстом: древнегреческое “наивное” письмо. — Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. СПб., 2001.

Казанский Н. Н. Начальный комплекс частиц *o-da-a₂* и *a-ke-a₂* в микенском греческом. — Поэтика, история литературы, лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999.

Кисилиер М. Л. Анализ средневековых текстов и социолингвистические факторы (на материале «Луга духовного» Иоанна Мосха). — «Юрьевские чтения». Материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. Выпуск II. 2001 г. СПб, 2002.

Кисилиер М. Л. Особенности языка Иоанна Мосха (Закон Ваккернагеля и местоименные клитики в тексте позднего койне). Автореферат кандидатской диссертации. СПб., 2003.

Красухин К. Г. Закон Ваккернагеля и структура индоевропейского предложения. — Вестник Московского Государственного Университета. Серия 9. Филология, 1997. Вып. 6.

Николаева Т. М. Просодия Балкан. Слово — высказывание — текст. М., 1996.

Тронский И. М. Греческое ударение. М.–Л., 1962.

Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.

Adams J. N. Wackernagel's Law and the Placement of the Copula *esse* in Classical Latin. Cambridge, 1994.

Aguilar R. M. El sistema de las negaciones en Juan Mosco. — Cuadernos de Filología Clásica, 1983–84. T. 18.

Allen W. S. Accent and Rhythm, Prosodic Features of Latin and Greek. A Study in Theory and Reconstruction. Cambridge, 1973.

Anderson S. R. How to Put Clitics in Their Place or Why the Best Account of Second-Position Phenomena May Be a Nearly Optimal One. — The Linguistic Review, 1996. Vol. 13.

Anderson S. R. Towards an Optimal Account of Second Position Phenomena. Unpublished.

Anderson S. R. Wackernagel's Revenge. — Language, 1993. Vol. 69.

Bergaigne A. Essai sur la construction grammaticale considérée dans son développement historique, en sanskrit, en grec, en latin, dans les langues romanes et dans les langues germaniques. — Mémoires de la Société Linguistique de Paris. 1878.

Chadwick H. John Moschus and his Friend Sophronius the Sophist. — Journal of Theological Studies, 1974. Vol. 25. N 2.

Clugnet L. Vies et récits d'anachorètes. IV–VII siècles: II. Textes inédits. — Revue de l'Orient Chrétien, 1905. T. 10.

Collinge N. E. The Laws of Indo-European. Amsterdam–Philadelphia, 1985.

Comrie B. Morphology and Word Order Reconstruction: Problems and Prospects. — *Fisiak J.* (ed.). Trends in Linguistics, Studies and Monographs 17. Historical Morphology. 1980.

Delbrück B. Die altindische Wortfolge aus dem Śatapathabrāhmaṇa dargestellt. Halle–Saale, 1878.

Denniston J. D. Greek Prose Style. Oxford, 1952.

Denniston J. D. The Greek Particles. Oxford, 1954.

Dunkel G. E. Āmreḍita and iteration of preverbs in Vedic and Hittite. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1981. 95. Band, 2. Heft.

Dunn G. Enclitic Pronoun Movement and the Ancient Greek Sentence Accent. — Glotta, 1989. Vol. 67.

Follieri E. Dove e quando morì Giovanni Mosco?. — Studi Bizantini e Neoellenici, 1988. T. 25.

Fraenkel E. Kolon und Satz: Beobachtungen zur Gliederung des antiken Satzes 1. — Nachrichten der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse. 1933.

Fraenkel E. Zur ‘Wackernagelschen’ Stellung von ἡμῖν, ὑμῖν, nobis, vobis. — Museum Helveticum, 1966. T. 23. N 1.

Henry R. Photius. Bibliothèque. Tome III (“Codices” 186–222). Paris, 1962.

Hesseling D.-S. Morceaux choisis du Pré Spirituel de Jean Moschos. Paris, 1931.

Hock H. H. Principles of Historical Linguistics. — *Winter W.* (ed.). Trends in Linguistics, Studies and Monographs 34. Berlin; NY; Amsterdam, 1986.

Janse M. Adams, Wackernagel’s Law and the Placement of the Copula ‘esse’. — Kratylos, 1997. Vol. 42.

Janse M. Clitics and Word Order since Wackernagel. One Hundred Years of Research into Clitics and Related Phenomena. — Orbis, 1994a. T. 37.

Janse M. Convergence and Divergence in the Development of the Greek and Latin Clitic Pronouns. — *Sornicola R., Poppe E., Shisha Ha-Levy A.* (eds.). Stability and Change of Word-Order Patterns over Time. Amsterdam, 2000.

Janse M. État présent de la bibliographie sur l’ordre des mots. — Techniques et méthodologies modernes appliquées à l’antiquité, 1994b. T. 1.

Janse M. La loi de Wackernagel et ses extensions en Latin: à propos de la collocation pronominale chez Pétrone. — Techniques et méthodologies modernes appliquées à l’antiquité, 1994c. T. 1.

Janse M. La position des pronoms personnels enclitiques en grec néo-testamentaire à la lumière des dialectes néo-helléniques. — *Brixhe C.* La koiné greque antique. Nancy, 1993a.

Janse M. Son of Wackernagel: the distribution of the clitic pronouns in Cappadocian. — *Philippaki-Warbuton I., Nicolaidis K., Sifianou M.* (eds.). Themes in Greek Linguistics. Papers from the First International Conference on Greek Linguistics, Reading, September 1993. Amsterdam–Philadelphia, 1994d.

Janse M. The Prosodic Basis of Wackernagel's Law. — *Crochetière A., Boulanger J.-C., Ouellon C.* (eds.). Les langues menacées. Actes du XVe Congrès international des linguistes, Québec, Université Laval, 9–14 août. Sainte-Foi, 1993b. Vol. 4.

Janse M. Wackernagel's law. — *Bahner W., Schildt J., Viehweger D.* (eds.). Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists, Berlin/GDR, August 10–15 1987. Berlin, 1987.

Janssen M. C. Η πρόταξη και επίταξη του αδύνατου τύπου της προσωπικής αντωνυμίας την εποχή του Ερωτόκριτου και της Θυσίας του Αβραάμ. — *Cretan Studies*, 1998. Vol. 6.

Knapp F. P. Ein Mirakelmotiv bei Johannes Moschus und Caesarius von Heisterbach. — *Fabula*, 1971. Bd. 12.

Krisch T. Das Wackernagelische Gesetz aus heutiger Sicht — *Eichner H., Rix H.* (Hrsg.) Sprachwissenschaft und Philologie. Jacob Wackernagel und die Indogermanistik heute. Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 13. bis 15. Oktober in Basel. Wiesbaden, 1990.

Kuriłowicz J. Remarks on Ivanov. — *Proceedings of the International Congress of Linguists*, 1958. Vol. 8.

Louth A. Did John Moschos Really Die in Constantinople? — *Journal of Theological Studies*, 1998. Vol. 49. N 1.

Mackridge P. H. Η θέση του αδύνατου τύπου της προσωπικής αντωνυμίας στη μεσαιωνική δημόδη Ελληνική. — *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα*, 1994. Τ. 15.

Mackridge P. H. An Editorial Problem in Medieval Greek Texts: the Position of the Object Clitic Pronoun in the Escorial 'Digenes Acrites'. — *Αρχές της Νεοελληνικής λογοτεχνίας. Πρακτικά του δεύτερου διεθνούς συνεδρίου "Neograeca medii aevi". 'Ανάτυπο από τὸν Α' τόμο. Benetia*, 1993.

Mackridge P. H. The Position of the Weak Object Pronoun in Medieval and Modern Greek. — *Язык и речевая деятельность*, 2000. Т. 3.

Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series Graeca.* Paris, 1857-1866. Т. 87. N 3.

Mihevc̆-Gabroveč E. *Études sur la syntaxe de Joannes Moschos.* Ljubljana, 1960.

- Mioni E.* Il 'Pratum Spirituale' di Giovanni Mosco. — *Orientalia Christiana Periodica*, 1971. T. 17.
- Mirambel A.* Essai sur l'évolution du verbe en grec byzantin. — *Bulletin de la Société de Linguistique*, 1966. T. 61.
- Niehoff-Panagiotidis J.* *Koine und Diglossie*. Wiesbaden, 1994.
- Nissen T.* Unbekannte Erzählungen aus dem Pratum Spirituale. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1938. Bd. 38.
- Opelt I.* Der Eidelstein in Bauch des Fisches. Ein orientalisches Novellenmotiv bei Johannes Moschos. — *Mullus. Festschrift Theodor Klauser. Jahrbuch für Antike und Christentum*. Münster, 1964. Bd. 1.
- Ortiz García P.* La expresión del futuro en el 'Pratum Spirituale' de Juan Mosco. Madrid, 1976–77. (Memoria de licenciatura sin publicar).
- Panagiotidis P.* Pronouns, Clitics and Empty Nouns. 'Pronominality' and Licensing in Syntax. Amsterdam–Philadelphia, 2002.
- Pappas P. A.* Weak Object Pronoun Placement in Later Medieval and Early Modern Greek. Dissertation. Ohio, 2001.
- Pattenden P.* Johannes Moschus. — *Theologische Realenzyklopädie*, 1988. Bd. 17.
- Pattenden P.* Some Remarks on the Newly Edited Text of the 'Pratum' of John Moschus. — *Studia Patristica*, 1989. Vol. 18. N 2.
- Pattenden P.* The Editions of the 'Pratum Spirituale'. — *Studia Patristica*, 1984. Vol. 15. N 1.
- Pattenden P.* The Text of the 'Pratum Spirituale'. — *Journal of Theological Studies*, 1975. New Series, Vol. 26. N 1.
- Rollo A.* L'uso dell'enclisi nel greco volgare dal XII al XVII secolo e la legge Tobler-Mussafia. — *Ἰταλλοελληνικά*, 1989. T. 2.
- Rozemond K.* Jean Mosch, patriarch de Jérusalem en exil (614–637). — *Vigiliae Christianae*, 1977. T. 31.
- Ruijgh C. J.* La place des enclitiques dans l'ordre des mots chez Homère d'après la loi de Wackernagel — *Ruijgh C. J. Scripta minora. Ad linguam graecam pertinentia*. Vol. II. Amsterdam, 1996.
- Salvi G.* Cola e clitics in latino. Impublicado.
- Simón Palmer J.* El monacato oriental en el 'Pratum Spirituale' de Juan Mosco. Madrid, 1993a.

Simón Palmer J. Latinismos en el léxico del ‘Pratum spirituale’ de Juan Mosco. — *Badenas P., Egea J. M.* (eds.). Oriente y Occidente en la Edad Media. Influjos bizantinos en la cultura occidental. Vitoria–Gasteiz, 1993b.

Tonnet H. Note sur la constitution du futur grec modern. — *Cahiers balkaniques*, 1982. T. 3.

Usener H. Der heilige Tychon. Leipzig–Berlin, 1907.

Van Wijk N. Das gegenseitige Verhältnis einiger Redaktionen der Andron hagion biblos und die Entwicklungsgeschichte des Mega Leimonarion. Amsterdam, 1933a.

Van Wijk N. Einige Kapitel aus Johannes Moschos. — *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1933b. Bd. 10.

Von Schönborn Ch. Sophrone de Jérusalem. Paris, 1972.

Wackernagel J. Über ein Gesetz der Indogermanischen Wortstellung. — *Indogermanische Forschungen*, 1892. Bd. 1.

Wackernagel J. Vorlesungen über Syntax. Basel, 1926.

Weil H. De l’ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langages modernes: question de grammaire générale. Paris, 1879.